

DOI 10.22455/2541-8297-2018-9-170-196
УДК. 821.161.1

Вадим Баян и рекламные технологии

© 2018, А.Л. Соболев

Аннотация: В статье описаны механизмы литературной рекламы, изобретенные и применявшиеся поэтом Вадимом Баяном (Владимиром Ивановичем Сидоровым). Подробно рассматриваются несколько эпизодов его творческого пути — от издания книги стихов с напутственными предисловиями Ф. Сологуба и Игоря Северянина до обмена открытыми письмами с В. Маяковским.

Ключевые слова: В. Баян, Ф. Сологуб, А. Чеботаревская, И. Ясинский, Игорь Северянин, В. Маяковский, литературные турне, футуризм.

Информация об авторе: Александр Львович Соболев, независимый исследователь, Москва, Россия.

E-mail: trirodov@gmail.com.

Цитирование: *Соболев А.Л.* Вадим Баян и рекламные технологии // Литературный факт. 2018. № 9. С. 170–196.

По странной избирательности гуманитарного взгляда история поэта Вадима Баяна (Владимира Ивановича Сидорова) как прототипа главного героя пьесы «Клоп» Маяковского пользовалась исключительной популярностью среди пишущих о литературе журналистов¹. Собственно, подавляющее большинство упоминаний его имени между 1920-ми гг. (когда он сошел с литературной сцены) и 1980-ми (когда изменившаяся оптика историко-литературных наблюдений позволила замечать его и за пределами магистральной линии²) связано именно с этим эпизодом. Причудливость путей, которыми иные лица попадают в большую историю литературы, заслуживала бы, может быть, и самостоятельной рефлексии, но в данном случае интерес усугубляется самой личностью героя. С первых шагов в литературе Баян был деятельным искателем поэтической славы; значительные финансовые возможности и практический склад ума позволили ему опробовать целый ряд нестандартных методов к ее обретению. Часть из них была изобретена им самостоятельно и дальнейшего развития не имела; иные, напротив, получили в будущем широкое распространение, хотя и вне связи с именем первооткрывателя. Феноменальное чутье на веяния литературной моды, даже и не принесшее Баяну-поэту прижизненного признания, делает его почти идеальным объектом для ретроспективного расследования, позволяя выявить и опознать новаторские методы поэтического маркетинга непосредственно в момент их зарождения.

Несмотря на сравнительное изобилие сохранившихся автобиографий, его происхождение и долитературные годы остаются для нас загадкой: настолько радикально он менял собственное жизнеописание в соответствии со структурой момента. В 1914 г. в письме С.А. Венгерову, кратко сообщив «Родился в 1888 году, в Крыму, в крупной помещичьей семье. Образование получил реальное»³, Баян стремительно переходил к эволюции души: «Будучи необыкновенно мечтательным мальчиком, детство провел в степях юга, где беззаветно отдавался поэзии и чтению книг. Любил бродячих цыган и слышал их сказки. В 15 лет прочел всех классиков и выдающихся писателей мира. Будучи глубоким лириком и эстетом, в своем твор-

¹ См., например: *Белоусов Р.* Оскорбленные прототипы // Литературная Россия. 1968. № 42, 18 окт. С. 24; *Б.л.* Маяковский разъясняет // Комсомольская правда. 1968. № 34, 10 февр. С. 4; *Дурман Г.* «На зердутовых крылах» // Неделя. 1965. № 10, 28 февр. — 6 марта. С. 8–9 и мн. др.

² Одно из первых его появлений в печати в новейшее время вне сюжета о «Клопе» см.: *Баян В.* Счастливые дни юности. Публ. И. Аброскиной // Советская Россия. 1983. № 122, 27 мая. С. 4.

³ ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Ед. хр. 332. Л. 3. Баян здесь и далее убавляет себе восемь лет.

честве проводит яркую полосу изящной эротики, при чем движется самобытным и непохожим на других <путем>. Воспитанный ароматом степей, он не признает себе равных по силе духа поэтов»⁴. В другом варианте, отправленном тому же адресату, он уточнял: «Образование получил реальное, но неофициальное»⁵. В позднем *curriculum vitae* он не останавливался на происхождении вовсе: «Родился в 1888 году в Симферополе. Образование получил реальное. Слушал в Петербурге Высшие естественно-исторические курсы Лесгафта и Курсы философии, а также спорадические лекции Николая Морозова по астрономии»⁶. В советское время представлялся сыном агронома, окончившим реальное училище в Мелитопольском уезде⁷, впоследствии работавшим конторским служащим и корректором в типографии⁸. Э. Миндлин, посвятивший Баяну несколько строк в воспоминаниях, называет его «крупным домовладельцем» города Александровска⁹. При этом, судя по переписке 1910-х гг., финансовые ресурсы, которыми он располагал, были весьма значительными: «Вот подходит 16 августа, а у меня душа болит. Я действительно получаю при соверш<ении> купчей крепости 15 000 р., но я должен снять запрещение с земли по закладной в 21 400 р. для того чтобы утвердилась купчая, иначе я должен по условию (нотариальному) возратить полученные 20 000 руб. и такую же сумму неустойки покупщику»¹⁰.

Путь к славе он начал в 1908 г., издав в Мелитополе еще под собственным именем (и, вероятно, за свой счет) роман в стихах «Сжатая лента». В художественном смысле он примечателен прежде всего глубиной неосведомленности в современном состоянии русской поэзии: снабженный эпиграфами из Пушкина и Лермонтова,

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 4.

⁶ РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Ед. хр. 457. Л. 1–1 об. (текст написан не ранее 1936 г.).

⁷ Можно аккуратно предположить, что он учился в Симферопольском реальном училище и Симферопольском коммерческом училище: по крайней мере, он упоминает директоров этих заведений (В.Д. Георгиева и Е.М. Гаршина) в письме к Ф.Ф. Фидлеру от 27 января 1914 г.: РГАЛИ. Ф. 518. Оп. 1. Ед. хр. 205. Л. 1.

⁸ Этот вариант трудового пути зафиксирован, в частности, в: *Аброскина И.И.* Баян Вадим // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 1: А–Г. М., 1989. С. 192. Ср., кстати, позднее сетование: «Мое несчастье заключается еще и в том, что, благодаря некоторым неразжеванным обстоятельствам и предположениям Бурлюка и Маяковского, в литературном мире (а может быть и в официальных органах) утвердилось мнение, будто я принадлежал к буржуазному обществу» (письмо В. Баяна к В. Катаняну от 14 мая 1958 г. // РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Ед. хр. 130. Л. 40).

⁹ *Миндлин Э.* Необыкновенные собеседники. М., 1979. С. 300.

¹⁰ Письмо В. Баяна к Б. Богомолу от 16 июля 1913 г. // РГАЛИ. Ф. 2109. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 5 об.

написанный демонстративно архаическим языком, он полностью ориентирован на поэтику первой половины XIX в.:

Кто любит труд и просвещение,
Да внемлет с чувством доброты.
Быть может, дикой лиры пенье
Вдруг сменит прежние мечты.
Пусть примет бред души туманной,
Фантазий легких легкий плод,
Свободный труд (быть может странный)
И дум тоскующих оплот.
А если музы провиденье
Сию тетрадь на брань влечет,
То пусть она, для развлеченья
Лишь в руки добрых попадет¹¹.

Роман прошел совершенно незамеченным, после чего следы автора затерялись на несколько лет: вероятно, часть из них он провел в Петербурге. По крайней мере, одно из главных его литературных знакомств, очевидно, состоялось именно там: около 1912 г. он встретился с начинающим поэтом, бухгалтером Государственного банка, обладателем глубоких познаний в разнообразных практических областях Борисом Дмитриевичем Богомолотовым (1886–1920)¹². Обстоятельства их встречи нам неизвестны: сохранившаяся переписка начинается с лета 1912 г. и явно подразумевает уже налаженные к этому времени отношения. Первым их практическим следствием было появление в газете «Тавричанин» гигантской апологетической статьи Богомолотова о Баяне¹³. Необычность этой ситуации заключалась прежде всего в том, что Сидоров-Баян (едва успевший обновить свой псевдоним) был к этому времени автором лишь нескольких стихотворений, глубоко укрытых на страницах провинциальной периодики, так что основная часть масштабных комплиментов, содержащихся в статье, рсточалась авансом. Структура и тезисы ее выпукло иллюстрируют представление Богомолотова и Баяна (вряд ли можно сомневаться в том, что она являет собой до известной степени плод совместного творчества) о месте, причитающемся последнему в современной литературе:

¹¹ Сидоров В.И. Сжатая лента: Роман (в стихах). (1905–1908). Мелитополь, 1908. С. III.

¹² О нем см.: Поливанов К.М. Богомолотов Борис Дмитриевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 1: А–Г. М., 1989. С. 302.

¹³ Богомолотов Б. Поэт Вадим Баян и его творчество // Тавричанин. 1912. № 702, 28 июля. С. 2.

Разбираясь в психологии творчества этого оригинального и талантливого поэта, раскидавшего свои песни в громадном количестве по всему югу и северу Руси, я наталкиваюсь постоянно на ту особенность его лиры, которой удалось подметить и запечатлеть некоторые едва уловимые движения души тонкой чуткой женщины и девушки, чего, к сожалению, не встретить в наше время в произведениях большинства наших поэтов за Бальмонтской эпохи...

За этим вступлением, украшенным лаконичной цитатой («В расцветающей сирени / В полусне весенних чар / Тает в розовые тени / Твой лиловый пеньюар») следует пышный, но логически обустроенный рекламный текст, сводимый к четырем тезисам:

А) Формальное новаторство Баяна и неподверженность его сторонним воздействиям: «[Б]ез влияния Бальмонта или его славного современника Валерия Брюсова не обходится и не обходился еще ни один из новейших стихотворцев, но этого, к нашему удовольствию как читателей, так и критиков, нельзя сказать про поэта Вадима Баяна (Влад. Ив. Сидорова), который остался верен себе, самобытен и этим ценен и дорог, как самородный алмаз, найденный несколько лет тому назад»;

Б) Удручающий литературный контекст: «Мы бродим по бездорожьям русской литературы в тумане бредового декаданса, перебегаем на тропинки бытовых художников, нападаем на их убогие согбенные фигурки, грабим от них последнее достояние, душу и бежим дальше, в тот же туман поэтического бездорожья, где и теряемся, поглощенные гортанью молчаливой ночи...»;

В) Немногие современники, имеющие возможность встать в один ряд с героем: «Дмитрий Цензор, Яков Годин, Александр Рославлев, Андрей Белый — вот имена наших лириков, с которыми на одну высоту ставят ныне и поэта-южанина Вадима Баяна»;

Г) Ближайшие творческие и биографические планы: «Придет время, когда поэт Вадим Баян, том лирики которого издает Товарищество Вольф в Санкт-Петербурге, займет место редактора и те же “бродячие волки”, со скрежетом зубов от голода и душевного холода, будут умолять “покормиться” у журнала, который предпринимает с будущей осени наш талантливый южный поэт Вл. Ив. Сидоров (Вадим Баян)»¹⁴.

¹⁴ Изложенный здесь план с журналом не воплотился. О книге, издающейся у Вольфа, см. далее. Вероятно, протекцию в крупнейшем издательстве М.О. Вольфа составил тот же Богомолов; во время одной из ссор Баян писал ему, отмечая возможные упреки: «Действительно, своим маленьким успехом в литературе я обязан Вам, так как все

Нетрудно увидеть, что статья Богомолова очевидным образом следует канону предисловия к сборнику писателя-классика, объединяя в себе приметы жанров агиографии и литературной критики: необычность ее лишь в выборе героя. Впрочем, один из почти неизменных компонентов любой писательской биографии Богомолов опускает, и это кажется весьма существенным.

Речь идет об условном «благословении учителя», эпизоде покровительства старшего известного писателя младшему неизвестному. Мифология этого события чрезвычайно глубоко укоренена в литературном сознании и обиходе 1900–1910-х гг.: практически в любой (особенно провинциальной) поэтической биографии этого времени есть соответствующий эпизод — письмо знаменитому столичному писателю с подборкой собственных стихов и прямой или подразумеваемой просьбой о протекции. Между тем в видимой части биографии Баяна ничего похожего нет вплоть до 1913 г., когда потенциальные покровители сами являются к его порогу: в конце марта этого года во время триумфальных гастролей Ф. Сологуба, Ан. Чеботаревской и И. Северянина они, среди прочего, посещают Симферополь¹⁵. Возможно, Баян к этому времени уже был знаком с Северяниным: в поздние годы он упоминает, что именно Северянин привел Сологуба к нему в гости¹⁶. Впрочем, в другой версии автобиографии он выражается еще энергичнее: «Живет постоянно на юге, в Симферополе, где его нередко посещают литературные друзья писатели Федор Сологуб, Виктор Муй-жель, Игорь Северянин, Н. Шебуев, Дмитрий Цензор и мн. др.»¹⁷.

мои литер<атурные> дела устраивались через Вас и издание книги у Вольфа и предисловия и знакомство и пр. но ведь надо помнить, что всё это было тесно связано с тяжелыми лишениями, непосильными затратами и горькими переживаниями, следовательно, не одна только Ваша сила была причиной моего маленького успеха» (недатированное письмо // ИРЛИ. Ф. 2109. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 39).

¹⁵ Об этих гастролях см.: *Северянин И.* Переписка с Федором Сологубом и Ан. Н. Чеботаревской. Публ. Л.Н. Ивановой и Т.В. Мисникевич // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб., 2009. С. 704–710. В Симферополе Сологуб, Чеботаревская и Северянин были 25–28 марта; ср. в письмах Чеботаревской к сестре: 19 марта (дата по почтовому штемпелю): «Сейчас ждем в Севастополе лошадей в Ялту — Ф.К. поехал в Полтаву один — там только лекция (4-ая нед.), а мы на 5 дней в Ялту — устали немножко от разъездов. 25-го будем в Симферополе — пиши туда»; 29 марта: «Из Симферополя уехали, утопая в цветах, сегодня в Ростове — потом Екатеринодар, Тифлис, Баку — и домой!» (ИРЛИ. Ф. 189. Ед. хр. 173. Л. 17, 20).

¹⁶ «Известно, что Игорь Северянин был моим ближайшим другом в литературном мире: он написал предисловие к моей книге и сотню теплых писем в мой адрес; посвятил мне три стихотворения; привез ко мне в дом Сологуба, Маяковского <...>» (*Баян Вадим.* Мое литературное лицо. — Письма Вадима Баяна Б.В. Смиренскому/Публ. А.Л. Дмитренко и А.В. Крусанова // Минувшее. Исторический альманах. Т. 23. СПб., 1998. С. 377).

¹⁷ Из автобиографии, присланной С.А. Венгерову // ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Ед. хр. 332. Л. 3.

Важно здесь, что с момента отъезда гастролеров из Крыма Баян начинает регулярно и решительно бомбардировать их письмами, заверяющими его совершенную готовность к услугам: «Всё время со дня Вашего отъезда у нас светло и радостно, чувствуется, что пробежало что-то светлое, величавое, осветившее наш духовный мир»¹⁸; «Ваше письмо очень меня порадовало в нашем страшном Симферополе»¹⁹ etc.

И момент и объект для этого были выбраны удачно: Сологуб и Чеботаревская охотно покровительствовали молодым талантам и вообще с большим интересом относились к обращающимся к ним за протекцией — вскоре это вылилось в издание журнала «Дневники писателей», основной целью которого был объявлен сбор свежих литературных сил. Но в этом конкретном случае всё пошло не так: или Баян переборщил с елеем, или взяла свое его болезненная чувствительность, но в середине лета ему стало известно через третьи руки, что Чеботаревская отозвалась о нем иронически:

Меня взвинтило то, что Чеботаревская посмеивается надо мной, а потому я прошу Вас немедленно отправиться к <И.В.> Игнатьеву, найдя для этого предлог, и разузнать дипломатично «что де она — мол — сказала о нем, над чем собственно посмеялась? Над его творчеством или просто над личностью, может быть — мол — над маниловской простотой?» — Так спросите и напишите мне. Мне, сами знаете, очень интересно знать дословно. Уж конечно из тактичности и деликатности, а прежде всего из самолюбия я ни ей, ни Северянину и никому не скажу. Это Вы сделайте для меня пожалуйста поскорее и пришлите справку ибо 3–4-го покидаю Евпаторию, а почта от Петерб<урга> идет сюда 3 дня.

Вот, друг мой, какие нынче друзья! да! их мало, очень мало. Если еще она смеется над моим простодушием, то ничего, это поправимо, я могу впредь не быть таким щедрым, но если над творчеством, то, право, обидно и боюсь, что Сологуб не даст предисловия, скажет, плохо пишешь. Но почему она прислала книгу с надписью «Милому, нежн<ому> поэту В.Б.» и он Сологуб написал «Милому В.Б. с дружеским приветом» <...>²⁰.

¹⁸ Письмо В. Баяна к Ф. Сологубу от 25 мая 1913 г. // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 622. Л. 1.

¹⁹ Письмо В. Баяна к Ан. Чеботаревской от 14 мая 1913 г. // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 242. Л. 1.

²⁰ Письмо В. Баяна к Б. Богомолу от 19 июля 1913 г. // РГАЛИ. Ф. 2109. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 6–6 об.

Конвертировать это знакомство в будущую известность он начал почти мгновенно, организовав небольшое интервью с собой в местной газете. Днем позже он рассказывал об этом в письме Богомолу:

Ред<акция> «Евпатор<ийских> Нов<остей>» меня приняла как Л. Толстого. Являлись интервьюеры; беседовали о новых течениях в литер<атуре>, политике и обществ<енной> ж<изни>; просили высказать взгляд на стар<ую> школу, на декадентов, и футуристов, на литерат<уру> в... будущем, на местн<ый> курорт, на город и наконец на... пыль. Всё было для меня <так> смешно, что я едва удержался. Просили сотрудничество. На следующий день появилась статья «У поэта Вадима Баяна» и в хронике днем раньше упоминалось о моем прибытии. Пишу, дал стихи, дал статью о кн<иге> Чеботар<евской>, буду писать о Вас²¹.

Интервью это (на самом деле не столь уж масштабное) заканчивается довольно самоуверенным анонсом: «В скором времени поэт обещал напечатать в нашей газете обзор сочинений его друзей — Федора Сологуба, Игоря Северянина и Анастасии Чеботаревской»²². Там же, отвечая на вопрос о творческих планах, он, среди прочего, говорит: «Осенью в издании товарищества Вольф выходит сборник стихов Вадима Баяна под названием “Лирический поток” с предисловием крупных писателей».

Последняя деталь представляется чрезвычайно важной. Феномен напутственного предисловия появляется в практике модернистского книгоиздания довольно поздно: собственно, старшим символистам не от кого было ждать благословения. По-настоящему оно входит в обиход на рубеже 1900-х и 1910-х гг., но зато сразу массово: Вяч. Иванов пишет предисловие к книге Б. Дикса (Лемана), Кузмин — к «Вечеру» Ахматовой, Брюсов — к дебютному сборнику Клюева и т.д. Ближайший пример для Баяна — конечно, Северянин, чей «Громокопящий кубок» был предварен комплиментарным текстом Сологуба, и именно к последнему он обращается за протекцией:

Умоляю Вас, уделите мне 3 минутки, чтобы написать о моем творчестве хоть несколько слов, которые, каковы бы они ни были, безгранично меня обрадуют и разобьют препятствия к выходу моей книги под фирмой изд. Т-ва Вольф. Иначе выхода нет. Умоляю и

²¹ Письмо В. Баяна к Б. Богомолу от 16 июля 1913 г. // Там же. Л. 5. Книга Чеботаревской — «Любовь в письмах выдающихся людей XVIII и XIX века. Сост. Анастасией Чеботаревской» (М., [1913]).

²² Д. Г-лин. У поэта Вадима Баяна // Евпаторийские новости. 1913. № 579, 14 июля. С. 3.

жду; напишите хоть несколько слов, если Вы и теперь не отрицаете моего дарования²³.

Когда Сологуб (в несохранившемся письме) отказался от этого предложения, Баян смиренно писал Чеботаревской:

Отказ Федора Кузьмича от написания предисловия к моей книге меня только опечалил, но нисколько не обидел. Я отлично понимаю, что писать и говорить против убеждения нельзя и что непризнание друг друга отнюдь не уничтожает отношения, — у Федора Кузьмича своя полоса творчества, а у меня своя, я самостоятелен и независим и подделываться под чужой вкус положительно не желаю, у меня есть свое лицо²⁴.

Впрочем, недвусмысленная неготовность Сологуба напутствовать «Лирический поток» не остановила автора: в книгу, которая продолжала набираться в издательстве М.О. Вольфа осенью 1913 г.²⁵, перед текстом было заверстано целых пять предисловий и квазипредисловий — вероятно, впервые в истории отечественного книгоиздания (и за некоторое время до отвердевания западной практики выносить на клапаны суперобложки рекламные отзывы критиков). Первым под заглавием «Вместо предисловия» шло частное письмо от Иеронима Ясинского (о нем с автором договаривался Богомолов), потом — короткое предупреждение Северянина²⁶, а следом — три стихотворения, некогда записанные авторами в баяновский альбом: Чеботаревской, Сологуба и Богомолова. Таким образом, Баян добил-

²³ Письмо В. Баяна к Ф. Сологубу от 30 сентября 1913 г. // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 622. Л. 13. Равнодушный к мольбам Сологуб сделал на письме глумливую помету: «хотя карандашиком».

²⁴ Письмо В. Баяна к Ан. Чеботаревской от 3 декабря 1913 г. // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 242. Л. 5.

²⁵ Датировать работу над книгой позволяет письмо Баяна к жене Богомолова от 19 сентября 1913 г.: «при всем том должен выразить Вам свою нужду: мне необходимо сотрудничество Бориса Дмитриевича для скорейшего окончания редактирования моих стихов, ибо я и без того опоздал с изданием книги, а потому покорнейше прошу разрешить Борису Дмитриевичу эту миссию и я Вам буду очень благодарен. Это будет продолжаться дней шесть, а может быть и меньше. Будьте снисходительны к нему, если он когда-нибудь и заночует у меня — верьте, что мы друзья и любим друг друга и нам необходимо беседовать о наших литературных делах» (РГАЛИ. Ф. 2109. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 1–1 об.; документ выявлен Л.И. Соболевым).

²⁶ Ср. в поздних воспоминаниях Северянина: «Он <Баян> выпустил книгу «Лирионетты и баркароллы» (!) в издательстве Вольф, уплатив за «марку» основательно. Предложил мне написать предисловие. Я написал ровно пять издательских строк. Гонорар — 125 рублей! Человек добрый, мягкий, глупый, смешливый, мнящийся» (*Северянин И. Уснувшие весны. Критика. Мемуары. Скитания. М., 2014. С. 184*).

ся своего, поскольку вполне комплиментарный текст Сологуба в его книге все-таки оказался.

Эту тонкость сразу отметил рецензент, не понаслышке знакомый с литературной рекламой, — Николай Георгиевич Шебуев:

Некоторые из наших современных молодых поэтов додумались до приема, о котором их предшественники, поэты старших поколений, не имели и представления. Решаясь впервые выступить перед судом общества со своими произведениями, они стараются заранее подготовить мнение читателей в выгодную для себя сторону. Они предпосылают своим стихотворениям, так сказать, рекомендации своих старших собратьев, общепризнанных поэтов. Вадим Баян, насколько мне помнится и насколько видно из «предисловий», поэт, только еще дебютирующий первой книжкой своих стихов, снабжает их рекомендациями такого поэта как Ф. Сологуб, старого литератора — И. И. Ясинского, молодого, также достаточно прославившегося Игоря Северянина и других, меньших богов русского поэтического Олимпа²⁷.

Критики, особенно знакомые с Сологубом и представлявшие себе детали этой истории, отозвались об этой проделке весьма неодобрительно:

Доверчивый И. Ясинский ответил Вадиму Баяну письмом, не менее доверчивые Ф. Сологуб и Анастасия Чеботаревская в минуту доброго расположения духа вписали ему в альбом по стиху. А он возьми да всё и напечатай предисловием к своей книге, прибавив специальное предисловие Игоря Северянина в шесть строк, где говорится, что поэзия Баяна напоминает прыжок, сделанный на луне: подпрыгнешь на вершок, а прыжок аршинный²⁸.

Предисловие к книжке Баяна написал и Иер. Ясинский, и еще некоторые авторы подарили свои обращения в стихах г-ну Баяну, и он вставил их перед своими поэмами²⁹.

²⁷ Н. Ш<ебуев>. [Рец. на:] Вадим Баян. Лирический поток // Московские ведомости. 1914. № 22, 28 янв. С. 5.

²⁸ Д. Ц<ензор>. [Рец. на:] Вадим Баян. Лирический поток // Златоцвет. № 7. С. 18; ср. реплику Баяна: «Вчера получил “Пустоцвет” Цензора и прочел отзыв обо мне. Видно зависть выела душу Цензору, а он и обругал. Ведь о нем ни слова не пишут. Выпустил свою будничную легенду <Легенда будней. СПб., 1913>, да так видно она легендой останется. Меня хоть ругают, да расписывают, дают некоторую известность, а о нем ни слова нигде. Так ему дьяволу и надо, чтобы не ремесленничал по-еврейски и святуя душу поэта не продавал Ваалу за деньги» (Недатированное письмо Б. Богомолу // РГАЛИ. Ф. 2109. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 27–27 об.).

²⁹ Пяст В. [Рец. на:] Вадим Баян. Лирический поток // Отклики. 1914. № 6. С. 11 (лит. прилож. к газ. «День». 1914. № 43, 13 февр.).

Мне было очень прискорбно думать, что люди со вкусом так охотно и убежденно прикрывают щитами своих имен полное убожество. Но мне довелось случайно узнать историю появления в книге Баяна имен Ф. Сологуба и Чеботаревской.

Сологуб с Чеботаревской и Северянином совершали литературное турне по провинции. Где-то в Симферополе явился почтительно знакомиться с ними поклонник из местных стихокропателей. Ходил неотступно по пятам, кланялся, чувствовал, благодарил. В нужную минуту появился альбомчик. Не откажите, напишите на память! В альбомчике появилось достаточно слабое, «домашнее», явно не рассчитанное на печать стихотворение Ф. Сологуба и несколько строк А. Чеботаревской. Потом, смотришь, выплыл на сцену и кодак. Щелк! — и молодой человек увековечен с известными писателями на одной скамеечке³⁰.

А после в свет выходит книга Вадима Баяна и там на почетном месте как бы в виде рекомендации посвященные автору альбомные заметки. Надо ли пояснять, что это сделано, конечно, без спроса и согласия писавших в альбом³¹.

Эти упреки вызвали чрезвычайное возмущение Баяна. Не имея в своем распоряжении печатного органа, готового разместить его ответ критикам, он решается на весьма оригинальную эскападу: объединив свои претензии к рецензентам в один текст, он издает его в симферопольской типографии М. Эйдлина в виде отдельной листовки и, вероятно, рассылает по литературным адресам:

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЦИРКУЛЯР

Как ни позорно для меня обращать свое слово к злобствующей литературной черни, но аристократ духа ОБЯЗАН протестовать против эксплуатации его имени столь возмутительным способом, каким воспользовались некоторые хитроумные неудачники. Городецкий в «Речи», Пяст в «Дне», Кречетов в «Утре России», Белый Волк в «Голосе Москвы» со своими присными плещут на меня такую «критикой», какой не раздавалось еще в русской литературе. Между прочим утверждают, что я «хамски» проталкиваюсь в знаменитости, хитро скрываясь за спиной у Сологуба. Уверяют, что я каким-то образом обманул Ясинского, Северянина и Вольфа, рекомендующих и издающих мои стихи, и что, наконец, подкупаю расхваливающих

³⁰ Эта фотография (многократно с тех пор растиражированная) еще всплывет в нашей истории.

³¹ Кречетов С. Среди книг // Утро России. 1914. № 44, 22 февр. С. 2.

меня лекторов, «надуваю» провинциальную прессу и «околпачиваю» простодушную публику.

Скажу одно: погреться у моего костра не запрещено, но таким способом — по меньшей мере нагло, господа Городецкие!

Вадим Баян

1914³²

Отдельно Баян счел необходимым извиниться перед Чеботаревской:

Никогда не думал я обидеть Вас помещением Ваших стихов в книге, тем более, что Вы сами разрешили мне это сделать. Что же касается триолета Федора Кузьмича, то он был помещен на основании меньшей претенциозности характера на рекомендацию, чем Ваше, уже разрешенное для помещения, стихотв<орение>. При том сказано, что эти стихи взяты из альбома. Кроме всего этого не думаю, чтобы мои стихи навлекли на Вас брань критиков. При этом я всегда исключал кретинов в роде Городецкого, который чахнет от тоски и желчи, наполняющей его завистливую душу. Он завидует Северянину, злится на Вольфа, за то, что он только в прошлом году согласился издать его, и потому облаял. Попутно обрушился на детского футуриста Богомолова за то, что тот блестяще (как видно из анкеты Вольфа) побил рекорд детских поэтов, оставив за бортом и Чарскую и Пожарову и самого Городецкого. <...> Вот показатель безобидности моего, может быть, наивного поступка, а уж Городецкий нашел бы случай оскорбить Вас, потому, — у человека такие запросы — не может иначе, — если не полаять так кошку задушить³³.

Вероятно, такой способ коммуникации показался ему перспективным: печатание подобного рода эфемерид требовало несравнимо меньших затрат по сравнению с изданием журнала. Более того, еще с осени 1913 г. Баян с Богомоловым начинают подготовку рекламных

³² Цит. по экземпляру из собрания Р.Д. Тименчика. Рецензия С. Городецкого — Речь. 1914. № 33, 3 февр. С. 3 («Январские сборники»); здесь объединены отрицательные реплики о книгах Баяна («Читая ее, жалеешь и Егора Нарбута, нарисовавшего ей красивую обложку, и фирму Вольфа, по отсутствию понимания издавшую ее, и прекрасную, тяжелую бумагу, обремененную глупостью и пошлостью») и Богомолова («Крайне незадачливую стопку январских сборников заключает лживая, надуманная и слащавая книжка Бориса Богомолова “Царевна-Зоренька, стихи детские”»). Отзыв «Белого Волка» мы не смогли найти, несмотря на недвусмысленное указание самого Баяна: «Читали ли в “Голосе Москвы” от 27 Апр<еля> статью Белого Волка (кто он?), который смазал нас с Вами с грязью — сволочь паршивая!» (недатированное письмо к Б. Богомолову // РГАЛИ. Ф. 2109. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 30).

³³ Письмо В. Баяна к Ан. Чеботаревской от 21 февраля 1914 г. // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 242. Л. 12–13, 14.

материалов, нацеленных на стимулирование сбыта их книг. Письма Богомолова, по всей вероятности, утрачены, так что о том, как происходило обсуждение будущего буклета (за которым с самого начала утвердилось название «Критик»), можно судить лишь по репликам Баяна. Впервые тема будущего издания появляется еще до того, как «Лирический поток» вышел в свет:

В 1-м выпуске «Кр<итика>» поместите только одно клише с Сологубом, а другое оставьте для след<ующего> вып<уска>. Это будет солиднее, иначе будет слишком заметна наша проделка. О Сологубе не пишите ни плохого, ни хорошего, правда хвалить его не за что, но и бранить пока не стоит. Может быть, скажет что-нибудь о моей книжке это во-первых, во-вторых я когда-нибудь все же буду у него в Салоне и буду говорить Мережковскому, Чирикову и другим о таланте Богомолова, во всяком случае не стоит портить отнош<ений>³⁴.

Два месяца спустя Баян подчеркивал, что речь идет не о периодическом издании, а о сугубо рекламном мероприятии:

Повторю: «Критик» выпускаем для рекламы, для газетной ругани, а не для торговли. Числа на обложке не ставьте. <...> Рассылайте по всем ред<акциям> мира. Это единственный выход из неизвестности³⁵.

В одном из следующих писем Баян настаивал:

А теперь мы — товарищи и вместе выпускаем книги. «Критик» пошлите Сергею Яблоновскому, через «Русск<ое> Сл<ово>» Вл. Дорошевичу, Панкратову, Тэффи — Бучинской Над<ежде> Александр<овне> по ее петерб<ургскому> адресу, Л. Андрееву, Чирикову и всем всем всем писателям, вот мы с Вами в один день и станем известными, уж тогда никто не имеет права сказать, что он нас не знает. Горькому на Капри через Неаполь³⁶.

Согласно его замыслу принципиально было синхронизировать выпуск буклета с выходом из печати «Лирического потока»:

³⁴ Письмо В. Баяна к Б. Богомолову от 9 октября 1913 г. // РГАЛИ. Ф. 2109. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 8.

³⁵ Письмо В. Баяна к Б. Богомолову от 17 ноября 1913 г. // Там же. Л. 13 об.

³⁶ Письмо В. Баяна к Б. Богомолову от 30 ноября 1913 г. // Там же. Л. 15. Баян подразумевает здесь книгу Богомолова «Стихи», вышедшую за маркой издательства «Агс» поздней осенью 1913 г. Впрочем, не исключено, что речь идет о поэме Богомолова «Царевна-зоренька», вышедшей в том же году с предисловием И. Северянина.

Пожалуйста попросите контору немедленно разослать во все крупные издания России и Европы 100 экзempl<аров> для отзыва и когда уже убедитесь, что Вольф выпустил в свет книгу под своей фирмой, тогда двиньте «Критик» и пусть горит пожар московский³⁷.

По неизвестным причинам издание книги затянулось, и вышла в свет она только в первых числах 1914 г.³⁸ Похоже, что экземпляры поступили автору 20 или 21 января — по крайней мере, 21-м датировано сразу несколько инскриптов, например Блоку («Светлому Александру Александровичу Блоку Вадим Баян. Симферополь. Долгоруковская 17. 21.1.1914»³⁹) и Т.Л. Щепкиной-Куперник («Татьяне Львовне Щепкиной-Куперник с глубоким уважением Вадим Баян. Симферополь Долгоруковская 17. 21/ I 1914»⁴⁰).

Вероятно, Богомолов еще раз обратился к Баяну за разъяснениями относительно адресов будущей рассылки — тот отвечал:

Во все китайские, японские, индийские и прочие заграничные изд<ания>. Отыщите газеты в Австралии, Зеландии, Гвинее, Южн<ой> Америке. Всё это Вы можете узнать в «Биржевке», ибо надо сделаться «мировыми» т.е. — всемирными знаменитостями, чтобы отовсюду полетели ответы в русск<ую> прессу на наш привет, а такие отголоски могут увековечить наши имена, и уже тогда нам любой Либрович позавидует и молча будет издавать наши творения, а теперь пока мы должны молчать и гнутьса⁴¹.

Сам этот буклет, щедро оплаченный деньгами Баяна⁴², сохранился, кажется, в единственном экземпляре в РНБ (шифр 37.54.1.124):

³⁷ Недатированное письмо В. Баяна к Б. Богомолову // Там же. Л. 33 об. «Шумел, горел пожар московский» (в оригинале «Кипел, горел пожар московский...») — песня на стихи Н.С. Соколова, растворившаяся в фольклоре с соответствующими деформациями оригинального текста.

³⁸ Книжная летопись Главного Управления по делам печати. 1914. № 2, 11 янв. Перечень в алфавитном порядке книг, поступивших с 1-го по 8-е января 1914 г. С. 2.

³⁹ Библиотека А.А. Блока. Описание. Кн. 3 / Сост. О.В. Миллер, Н.А. Колобовой, С.Я. Вовиной. Под ред. К.П. Лукирской. Л., 1986. С. 256.

⁴⁰ Собрание Л.М. Турчинского. Предполагаем, что в опубликованном инскрипте «Светлой С. Аничковой. С глубоким уважением Вадим Баян Симферополь Долгоруково <sic!> 21 1.17» (*Гамалий А.Б.* Даниил Соложев как библиофил. Несколько слов о его собрании автографов // Библиофильство и личные собрания. М., 2013. С. 96) год прочитан неверно. Ошибочно, конечно, прочитана и Долгоруковская улица.

⁴¹ Недатированное письмо В. Баяна к Б. Богомолову // РГАЛИ. Ф. 2109. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 48 об. Сигизмунд Феликсович Либрович (1855–1918) — критик и книговед, сотрудник фирмы М.О. Вольфа.

⁴² Письма Баяна к соратнику полны жалоб на неудачные инвестиции в литературу, ср.: «Вы обвиняете меня в том, что я не могу сделать себе славы, имея “такой” капитал и только сижу и кисну. Друг мой, Вы не знаете моих расходов и приходов иначе бы Вы меня

имея жанровый статус между периодикой и альманахом, он в результате не попал ни в одну из обстоятельных библиографий.

Критик. Пантеон изящной мировой литературы и вселенской поэзии. 1. Русская новейшая поэзия и ее титаны... 2. Об учреждении кафедры детской литературы в университетах России и Западной Европы. Pamфлеты Юрия Северова. <СПб>. Издательство «Творчество». <1913>. — 4 с.

Состоит он из рекламной передовицы «Русская поэзия и ее титаны», подписанной «Юрий Северов»; обращения к Академии Наук с предложением основать в европейских и русских университетах кафедры детской литературы; стихотворения Баяна «Мой триумф» («Зажгите в сосудах алмазы Киянти!...»); маленькой хроники, где сообщается об издании книг Баяна и Богомолова, участии Сологуба в книгоиздательстве «Петербургский глашатай» и учреждении общества «ARS»; анонса вечера эгофутуристов и рекламы журнала «Жаворонок». Проиллюстрирован «Критик» групповой фотографией Баяна, Богомолова, Северянина, Чеботаревской и Сологуба.

В соответствии с правилами жанра основной рекламный заряд содержится в первом же абзаце первой статьи:

Имена титанов русской поэзии, Конст. Бальмонта, Валерия Брюсова, К. Фофанова, Мирры Лохвицкой, Игоря Северянина, Петра Муринского, Вадима Баяна и оригинальнейшего детского поэта Бориса Богомолова говорят о победоносном шествии творческого гения каждого из них по своему особому пути. В наше время воскресения слова, на заре футуристической эры, К. Бальмонт и Валерий Брюсов уже устарели. На их место жизнь выдвинула выдающихся новых поэтов: универсального Игоря Северянина, поэта женщины, глубокого лирика, талантливого Вадима Баяна и изумительно-одаренного детского поэта Бориса Богомолова — восходящую славу и гордость Русской детской литературы. Библиотеки Руси и Запада уже перегружены томами творчества прославленных К. Бальмонта и Валерия Брюсова, и лишь в недавнем времени самый жгучий интерес снискали в русском

не упрекали. 1000 рублей...» (письмо от 16 июля 1913 г.); «Нет прямо денег да и чересчур уж много я истратил денег с этой литературой около 2000 р. а толку пока еще нет, это безобразие» (письмо от 17 ноября 1913 г.); «Литература меня сильно разочаровала, а особенно друзья. Мне кажется, что все друзья льнут ко мне за деньги, а денег не дай, и смотреть не будут» (письмо от 8 апреля 1914 г.); ««Что же Вы думаете, деньги-то я делаю, что ли, или я ведаю Министерством финансов?»» (11 апреля 1914 г.) и др. (Там же. Л. 5 об., 12, 18 об., 21).

мыслящем обществе вдохновенный Игорь Северянин и выдающийся женственный лирик Вадим Баян⁴³.

Очевидно, что этот текст, принадлежащий перу укрывшейся за псевдонимом «Ю. Северов» Марии Илларионовны Богомоловой (жены Б.Д. Богомолова)⁴⁴, структурно столь же логичен, как прошлогодняя заметка ее мужа в «Тавричанине», хотя и построен по другим канонам. Практическая его цель — инкорпорация героев в функциональный контекст текущего литературного момента; с этим связан и подбор имен. Сперва называются предтечи — Фофанов и Лохвицкая, затем устаревающие, но еще живые титаны — Бальмонт и Брюсов, далее — актуальные титаны (Баян и Богомолов) и равновеликий современник (Северянин). Законное недоумение вызывает лишь имя Петра Муринского, никаким образом по степени известности и творческой манере не сопоставимого с остальными. Это — псевдоним поэта Петра Михайловича Евстафьева, поместившего несколько стихотворений в малоизвестных журналах и сборниках 1900-х гг.⁴⁵ и умершего в 1909-м. Богомолов был с ним хорошо знаком и еще в 1912 г. написал ему запоздалый некролог, особенно подробно описывая его мученическую жизнь, увенчанную безвременной кончиной: «Тяжело вспоминать мне кошмарную жизнь этого талантливейшего из русских поэтов, сгоревшего за красоту в огненных поисках ее. Это было поистине что-то ужасное: сын богатой матери, владеющей поместьями под Петербургом (в селении Мурино), он, не ужившийся с гнетом обыденщины, вынужден был бежать от матери, снискав себе приют в дворницкой — у своей старой няни,

⁴³ *Северов Ю.* Русская поэзия и ее титаны // Критик. Пантеон изящной мировой литературы и вселенской поэзии. <СПб., 1913>. С. 1.

⁴⁴ Об этом сам Баян сообщал жене Ф. Сологуба, кажется, не слишком довольного помещением на обложку буклета своей фотографии: «Несколько дней тому назад получил ответ на запрос по поводу Юрия Северова, но Вам не сообщал об этом потому, что до сих пор ждал книжки названного автора. Юрий Северов — это псевдоним жены Богомолова, придуманный ею специально для памфлетов, выпущенных в ноябре в количестве 200 экз. и потому я не мог сразу догадаться чья это работа, несмотря на то, что я даже субсидировал это издание! <...> Все это Богомолковы сделали от избытка энергии и симпатии ко мне, а для вящей солидности издания сами же решили поместить маленькое клише нашей группы. Отрицательно ни о ком не отзывались и вообще, по словам Богомолова, журнал носит характер солидного издания под названием “Пантеон мировой литературы”» (письмо В. Баяна к Ан. Чеботаревской от 21 декабря 1913 г. // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 242. Л. 9, 10).

⁴⁵ См. о нем: *Островская А.В.* Муринский Петр // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 4. М., 1999. С. 180.

взрастившей поэта и доживавшей свою старость в квартире ее родственника — дворника <...>⁴⁶.

Для того чтобы понять его функциональную роль в этом перечне, нужно припомнить известное пронизательное письмо Г. Шенгели к М. Шкапской 1924 г., где он говорит о фигуре безвременно погибшего юного сочинителя в самоопределении литературных течений: «О смерти Лунца слышал: “жертва утренняя”: у каждой литературной группы есть рано умерший сочлен: Веневитинов у пушкинцев, Надсон у восьмидесятников, Коневской у символистов, Игнатъев у северянцев, <Лозина->Лозинский у акмеистов, Божидар у футуристов, Фиолетов у южнорусской школы; теперь пришел черед серапионовцев»⁴⁷. Удивительно здесь, насколько необходимость в этой ролевой функции устойчива даже для такой аморфной группы, как «круг Вадима Баяна», и какой степенью чуткости обладал тот (или та), кто ощутил необходимость включения его в этот пантеон.

Одновременно с буклетом Баян и Богомолов выпускают еще более эфемерную рекламную продукцию: открытки со своими портретами, стихами и анонсами свежевыхшедших книг, но ни одного экземпляра их разыскать нам не удалось. Единственный след их существования — подробный критический отзыв Баяна о пробном тираже:

Мне очень не нравится, что на обороте моих открыток напечатано «поэт Вадим Баян», — это уже сразу дает понять, что я издал сам и усиливаюсь выставить себя поэтом. За Ваши открытки мне так же грустно. Надеюсь, что мои карточки еще не отданы для продажи, так как я просил до выхода книги их не распространять, а потому убедительно прошу Вас сделать продолговатую палочку из дерева такого формата: <нарисован прямоугольник> и, окунув в тушь, зачеркнуть ею эти слова. Пятно это нисколько не испортит карточки, а слова безусловно обесценивают, в этом Вы должны со мной согласиться. <...> И прошу их ни в каком случае не выпускать в таком виде, это не серьезно. О том, что мы поэты, нас отлично рекомендуют наши двестишестидесятилетия, а имена написаны очень разборчиво, оборотный же титул уничтожает наше величие и ставит различие между А. Блоком, Бальм-онтом, Андреевым, т.е. что им не требу-

⁴⁶ Богомолов Б. Поэт Петр Муринский, его жизнь и скитания // Тавричанин. 1912. № 722, 24 авг. С. 2.

⁴⁷ Письмо Г. Шенгели к М. Шкапской от 19 июня 1924 г. (Рудин из Брюсовского института: (Письма Г.А. Шенгели М.М. Шкапской. 1923–1932) / Публ. С. Шумихина // Минувшее. Исторический альманах. М.; СПб., 1994. Т. 15. С. 260). Существует также летучее издание, объединяющее некролог Муринскому, написанный Богомоловым (вероятно — этот же), и некрологическое стихотворение Константина Смирнова. Единственный известный экземпляр (РНБ, шифр 18.294.5.215) остался нам недоступным.

ется такая реклама, потому что их знают, а нам требуется, потому что нас не знают, вообще без вычур лучше, как будто мы уже давно известные знаменитости⁴⁸.

На последней странице «Критика» была помещена реклама предстоящего культурного события:

Симферополь (Крым)

Театр Таврического дворянства

В понедельник 30-го Декабря 1913 г. состоится литературный вечер

Эго-Футуристов и ПОЭЗОКОНЦЕРТ

При участии главных представителей и основателей Академии Эго-Поэзии;

1) Директор Футуроргана «Петербургский глашатай» Ив. Вас. Игнатъев прочтет памфлет о зарождении и расцвете в России Эго-Футуризма и разъяснит основы мысли и стремления новейшего его течения;

2) Знаменитый поэт Игорь-Северянин прочтет свои поэмы;

3) Борис Богомолов продекламирует свои поэмы и мандолинатты;

4) Вадим-Баян <sic> исполнит оригинальные лирикетты;

5) Артистка Бабочкина исполнит новые романсы:

1) «Сиреневые хмели» 2) «Nocturne bleu». Слова Вадима Баяна. Музыка Вл. Шкунова⁴⁹.

Примечателен здесь не только очевидный дрейф Баяна в сторону эгофутуризма и явная готовность к стратегическому союзу с группой «Петербургского глашатая», но и предстоящая смена рекламной стратегии. Вообще сам жанр писательских турне, расцветших в начале 1910-х гг., был не нов, но из поэтов-модернистов, по сути, только Сологуб и Бальмонт научились масштабно конвертировать

⁴⁸ Письмо В. Баяна к Б. Богомолову от 29 октября 1913 г. // РГАЛИ. Ф. 2109. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 10–11.

⁴⁹ Критик. Пантеон изящной мировой литературы и вселенской поэзии. <СПб., 1913>. С. 4. О композиторе Владимире Шкунове мы не знаем практически ничего за исключением его (предположительно установленного) отчества «Александрович» (см.: Словарь литературного окружения Игоря-Северянина (1905–1941) / Сост. Д.С. Прокофьев. Т. 2. Псков, 2007. С. 131) и единственной позиции в печатной нотографии — вальса «Вечерний луч», изданного им на собственные средства в Петербурге в неизвестном году (экз. РГБ хранится в музыкальном отделе под шифром 188 / 1324). Ноты обоих романсов, которые предполагалось исполнять на вечере, приложены были к сборнику Баяна «Лирический поток». В одной из рецензий на последний Шкунов титулуется «молодым композитором», но с ошибочными инициалами «Ф.Л.» (см.: Б.л. [Рец. на:] Вадим Баян. Лирический поток // Голос Руси. 1914. № 18, 18 янв. С. 4).

таким образом писательскую славу. Непосредственным источником подражания для Баяна послужили совместные турне Сологуба, Чеботаревской и Северянина, но в их отработанную технологию он внес ряд изменений. Во-первых, Баян поставил первым номером в программе (хедлайнером, говоря современным языком) Северянина, который еще недавно сам был протезируемым. Во-вторых, он не обращался к профессиональному импресарию, а брал подготовку на себя. Любопытно, что сначала он объявил о начале турне, а только потом стал списываться с Игнатьевым. В результате планы менялись практически на ходу: выяснилось, что театр в Симферополе на нужный день уже абонирован, так что начало пришлось переносить⁵⁰. У Богомолова возникли трудности с отпуском, но Баян завлекал его обещаниями:

Сейчас получил от Северянина ответную телеграмму. На мое приглашение отправиться в турне он согласен. Игнатьев и Маяковский безусловно согласятся, теперь Вы, мой друг, ради Бога и общей нашей с Вами радости проситесь на 1 ½ месяца в отпуск, иначе Вы упустите золотой момент, а мне было бы больно лучшего друга оставить за бортом, ведь что стоит реклама, которая по 2 недели будет красоваться по городам, у каждого поневоле в память врежется В<аше> имя, а с эстрады Вы очаруете публику чтением, ведь подумайте какие силы футуризма едут с нами! Северянин, Маяковский, Игнатьев! Это ведь светила / пионеры вольного духа, а не сосульки какие-нибудь⁵¹.

На последнем этапе подготовки Баян все-таки привлек к делу профессионального устроителя А.Л. Шнейдерова и, возможно, под влиянием разговоров с ним значительно увеличил масштаб предстоящего события, составив заодно схему разделения будущих доходов:

Завтра посылаю Шнейдерова устраивать в след<ующие> города: Севастополь, Екатеринославль, Харьков, Одесса, Херсон, Николаев, Киев, а затем в Киев, Варшаву, Вильно, Рига, Двинск, Москва, Нижний Н<овгород>, Казань, Симбирск, Самара, Саратов, Астрахань и Царицын, Баку, Тифлис, Екатеринодар и Ростов. Начнем 7-го в Симферополе. Условия я выработал такие: начало субсидирую, заработком прежде всего оплачиваем расходы по турне всем, а если останется чистая прибыль, то делить так: Северянину 40 %, Маяковск<ому> 25, Игн<атьеву> 25 и Вам 10, а я не беру ничего, им

⁵⁰ Ср. в недатированном письме к Богомолову: «Имейте в виду, что вечер в Симферополе переносится на 7-е янв. 1914 г. 30-го театр уже занят, мы прозевали со своей медлительностью» (РГАЛИ. Ф. 2109. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 32).

⁵¹ Недатированное письмо В. Баяна к Б. Богомолову // Там же. Л. 31–32.

больше за марку, ведь футуристы, что поделаешь, и мы явимся под ихним флагом⁵².

Дальнейшая история благодаря участию Маяковского и Северянина многократно описана и хорошо известна⁵³: общая неудача двух турне (январь и февраль 1914) имела среди частных последствий значительный финансовый урон, нанесенный Баяну. В письмах он подробно жаловался Б. Богомолову, который (как и Игнатъев) участия в гастролях не принимал:

<...> утопаю в долгах и не знаю, что с ними придется делать, не разориться бы, но главное, всё это делалось для общего с Вами блага, мне хотелось с Вами вместе выступить в Симф<ерополе> и отправиться в турнэ. Всё, что от меня зависело я сделал: устроил начало в Симф<ерополе> и Севаст<ополе>, выслал авансы Вам, Север<янину>, Маяковск<ому> и Игнатъеву, влезал в долги, вытягивал все жилы для нашего с Вами блага. О других я меньше всего заботился, потому что Сев<ерянин> не нуждается в славе, а с другими — черт! Всё делалось только для нас с Вами. Маяковск<ий> и Сев<ерянин> приехали за 10 дней до выступл<ения>, растосковались, и Маяк<овский> стал поговаривать о возвращении в Москву, указывая на то, что здесь скучно и авансов мало даю, что я должен был сделать, по вашему? Конечно выдавать авансы в счет турнэ будущего. Позорно было бы посрамиться перед Симферополем и печатью, упустив выступающих. В том, что Вы не приехали, я не виноват, я только глубоко сожалел о моем близком и лучшем друге, Вы видели, что я и теперь и раньше всё делал, что было возможно для Вас и для других, но что же делать? Мог ли я убедить Ваших начальников отпустить Вас? Потеряв деньги, я не хотел терять и Северянина, ибо с Маяковским и др. мне не вынырнуть⁵⁴.

⁵² Недатированное письмо В. Баяна к Б. Богомолову // Там же. Л. 33.

⁵³ См. прежде всего: *Поливанов К.М.* Два турне Игоря Северянина // Поливанов К.М. Пастернак и современники. М., 2006. С. 119–121; *Крусанов А.В.* Русский авангард. 1907–1932. Исторический обзор. Т. 1. Ч. 2. М., 2010. С. 380–390, 437–450; *Обвалы сердца. Авангард в Крыму / Сост., предисл. и коммент. С. Шаргородского.* Б.м., 2011. С. 16–18.

⁵⁴ Письмо В. Баяна к Б. Богомолову от 31 января 1914 г. // РГАЛИ. Ф. 2109. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 17. Богомолов, двумя неделями позже навесивший Северянина, рассказывал: «Когда я пришел к Северянину (числа 17-го февр.) после его приезда из “турнэ” — и он, и мать, и жена в один голос накричали столько, сколько никогда не кричали. Говорили, перебивая друг друга, что “турнэ” убыточно, что Северянин отдал несколько сот рублей Баяну, чтобы только Баян добрался до дому, говорили, что больше в приятельском турнэ ни в каком “мэтр” участия принимать не будет, говорили, что в Елисаветграде у Баяна было 3 коп. в кармане, а он “нас” зазвал в гостиницу, где грозил скандал, говорили, говорили, одним словом столько наговорили нелестного для Вас, что мне было жаль... не Вас, а их — барабошек, лгунишек. Я до встречи с Северяниным еще узнал от Дм. Крючкова, что турнэ вовсе не так убыточно было, как о том “говорили”» (недатированное письмо Б. Богомолова к В. Баяну // РГАЛИ. Ф. 2109. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 2).

И далее:

Ввиду того, что в 1-м турнэ Маяковский и К^о пропили моих денег 1300 рублей, я не мог много затратить на второе турнэ и затратил 1200 р. Северянин и лично и письменно обещал мне шалыпинские сборы и тем понудил к скорейшей организации вечеров. Я, как мальчик (действительно, как мальчик) верил и тратил деньги, надеясь получить возмещение за свои траты. Сборы были такие: в Екатеринославе 32 р., в Елисаветграде 290, в Одессе на первом вечере 310, а на втором 109. Мог ли я предполагать, что имя Северянина с маркой «футуризм» в Одессе при хороших газетных отзывах даст сбор в 109 р.? Что это за имя, если такие сборы, и имеет ли право он порицать меня если всецело жил и кутил на мои деньги? Невзирая на ничтожные сборы, он пожелал остановиться в лучшей гостинице — «Лондонской» над морем и раскатывался на автомобилях, причем пил только ликеры, стоящие по 8 р. бутылочка⁵⁵.

Болезненных впечатлений хватило на несколько лет, в течение которых он держался в тени — и воспрял только в 1920 г., составив и издав в Крыму серию альманахов под маркой издательства «Таран». История их также неплохо известна⁵⁶, хотя, конечно, отдельной рефлексии заслуживает то, как человек с такими специфическими чертами мог обладать удивительным литературным чутьем: среди их авторов — Мандельштам, Борис Поплавский (единственные его стихи, напечатанные до эмиграции) и, например, Николай Еленев, поэт более чем незаурядный. С точки зрения рекламных технологий здесь (собственно, в сборнике «Обвалы сердца») использован старый прием прямого восхваления («Этот потрясающий космический поэт бьет тараном, хлещет молниями и кидает не слова, а какие-то снаряды»⁵⁷), но есть и кое-что новое: здесь Баян совершенно явным образом собирает венок посвященных себе стихотворений.

⁵⁵ Письмо В. Баяна к Б. Богомолу от 8 апреля 1914 г. // Там же. Л. 19. Ср. в письме Баяна к Ф. Сологубу от 21 апреля 1914 г.: «Между прочим, имел неосторожность выступить в нескольких городах с бесцеремонными кубо-футуристами, из-за которых много перестрадал нравственно и попусту потратил 3000 р.» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 622. Л. 16).

⁵⁶ О крымском периоде Баяна см., в частности: *Купченко В.П.* Литературная Феодосия в 1920 году. По материалам газеты «Крымская мысль» // *De Visu*. 1994. № 3/4. С. 82–89; *Гардзонно С.* Письмо Э.Л. Миндлина В.И. Сидорову (В. Баяну). Еще о литературной Феодосии // *Гардзонно С.* Статьи по русской поэзии и культуре XX века. М., 2006. С. 167–171; *Шаргородский С.* Собачество вселенских катаклизмов // *Обвалы сердца. Авангард в Крыму*. С. 26–32.

⁵⁷ *Калмыкова В.* Первый итог футуризма // *Обвалы сердца. Авангард в Крыму*. С. 68.

Начало этому было положено еще в 1910-е гг., когда накануне выхода «Лирического потока» малоизвестный кронштадтский поэт Сергей Забинков написал Баяну рифмованное восхваление:

Служить стихом мятущемуся миру
зову тебя, сновидца лунных снов!
Храни, поэт, ты чаровницу-лиру
от опьянения и плена жалких слов!⁵⁸

В «Обвалах сердца» и «Пьяных вишнях» эти поэтические зеркала собраны вместе — Щепкина-Куперник («Ваш сборник на грубой бумаге / Бросает в грядущее зов»), Борис Бобович («Ты Гималайскою громадой / Шагаешь к миру с палашом»)⁵⁹, Анна Грианова («Вы пришли с голубыми глазами / “От любви голубеют глаза”! / Надушенный, кудрявый, в панаме, / Легендарней принцессы Заза»⁶⁰) и другие.

В 1920-е гг. он сильно ступшевывается, и запоздалая слава приходит к нему с неожиданной стороны — благодаря «Клопу» Маяковского, где он выведен безжалостно и пародийно. Следующие его шаги общеизвестны, прежде всего это обмен открытыми письмами с Маяковским⁶¹ и дальнейшие попытки отгородиться от этого преследующего его образа (ср., впрочем, эпизод в мемуарах Миндлина: «Через несколько дней встречаю Вадима Баяна — гордого с высоко поднятой головой и сияющими глазами. Обрадовался, увидев меня, подбежал: “Ну что я вам говорил? Говорил, что обо мне еще вспомнят? И вспомнили же!”»⁶²).

В отношении его к Маяковскому оставалась, насколько можно судить, сальерианская двойственность. С одной стороны, он явно связывал с бывшим знакомством свои надежды на литературную известность: писал воспоминания, проча их сперва в коллективный сборник мемуаров⁶³, а позже — в соответствующий том «Литератур-

⁵⁸ Забинков С. Заветное. Стихи. Кронштадт, 1915. С. 32.

⁵⁹ Обвалы сердца. Авангард в Крыму. С. 70, 88. Ср., кстати, в поздней автобиографии: «50 стихотворений мне посвятили разные поэты — Сологуб, Северянин, Щепкина-Куперник, Шенгели, Шебуев, Агнивцев, Богомолов, Шпажинский, Чеботаревская, Хаит, Бобович и многие другие» (*Баян Вадим. Мое литературное лицо*. С. 372). Значительная часть упомянутых дедикаций нам неизвестна.

⁶⁰ Грианова А. Вадиму Баяну // Пьяные вишни. 2-е изд. Севастополь, 1920. С. 14.

⁶¹ Письма Баяна и Маяковского напечатаны в одном номере: Литературная газета. 1929. № 14, 22 июля. С. 4.

⁶² Миндлин Э. Необыкновенные собеседники. С. 301.

⁶³ Ср. в письме Баяна к О. Брику от 20 февраля 1932 г.: «Надеюсь, что мои воспоминания о Маяковском Вами включены в сборник, выпускаемый “Федерацией”, а потому посылаю Вам ряд поправок к ним, сделанных в связи с замечаниями Лили Юрьевны и Вашими.

ного наследства»⁶⁴, распространял копии с сохранявшихся у него рукописей⁶⁵, несанкционированно выступал у московского памятника («Я был ободрен уже тем, что меня не убили и даже не побили, а, наоборот, проявили ко мне чудовищный интерес, как к заморскому страшилищу»⁶⁶) и при каждом удобном случае припоминал былую их близость; с другой — регулярно и ревниво сопоставлял славу своих бывших соратников со своей безвестностью: «мои товарищи по олимпиаде футуристов — Северянин, Маяковский и Бурлюк — приковали меня, как Прометея, к скале за похищение у богов огня (а они почуяли, что огонь у меня не слабее, чем у них)»⁶⁷; «Маяковский хотел меня захлестать до смерти, а вышло наоборот, сделал мне известность во всем мире, хотя и плохую, позорную»⁶⁸; «Жизнь моя подходит к концу. Но мне обидно уходить в могилу с клеймом вора, наложенным на меня зашифрованной характеристикой Маяковского. Я всю жизнь работал для культуры своего народа, соблюдая чистоту служения любимой Родине»⁶⁹.

Ближе к закату амбиции его сильно поумерились. В письме к Н.Ф. Рябовой, которая составляла именной указатель для тринадцатитомного собрания сочинений Маяковского, он сформулировал две настоятельные просьбы — не писать его года рождения и побережь его псевдоним:

Многоуважаемая Наталья Федоровна!

Поскольку Вы почти официальное лицо, я считаю себя почти обязанным сообщить Вам ТОЧНУЮ дату моего рождения, а не

Если у Вас нет времени вносить эти поправки, сообщите открыткой — и я немедленно пришлю Вам усовершенствованный экземпляр» (РГАЛИ. Ф. 2852. Оп. 1. Ед. хр. 164. Л. 1).

⁶⁴ Об этом Баян упоминает в письме к Л. Брик от 7 сентября 1958 г. (РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 13 об.). Когда в угоду цензуре редакция предложила купировать финал, автор возражал: «<...> это будет равносильно тому, что корове оторвать голову и “рулевое управление”, без которых она потеряет свою красоту и обаяние» (письмо к тому же адресату от 23 сентября 1958 г. // Там же. Л. 24). Сопоставление вариантов воспоминаний Баяна, рассеянных по государственным (как минимум в РГАЛИ, ИРЛИ и ГММ) и частным архивам, может, вероятно, принести незаурядные плоды (NB. Один из вариантов, ныне, вероятно, утраченный, цитирует со ссылкой на частное собрание Р. Круус в примечаниях к заметкам Северянина о Маяковском: Таллин. 1988. № 5. С. 114).

⁶⁵ Отправляя Л.Ю. Брик одну из ранних версий мемуаров, Баян присовокупил: «К материалу приложены снимки с имеющихся у меня рукописей Владимира Владимировича, относящихся к Первой Олимпиаде футуристов» (письмо от 1 марта 1931 г. // РГАЛИ. Ф. 2852. Оп. 1. Ед. хр. 528. Л. 1 об.).

⁶⁶ Из письма к Л.Ю. Брик от 7 сентября 1958 г. // РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 8.

⁶⁷ Там же. Л. 5.

⁶⁸ Там же. Л. 13.

⁶⁹ Письмо к Л. Ю. Брик, помеченное «Преддверие 41 Октября», т.е. первые числа ноября 1958 г. // РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 2. Ед. хр. 31. Л. 3 об.

«дипломатическую», как это позволительно среди знакомых. Я рожден 5/17 янв. 1880 года. Но как не хочется слыть в обществе старым, когда кругом цветет молодость! Убедительнейше прошу Вас обойти молчанием эту дату. Никто от этого не пострадает. Кому будет интересно знать, что на свете одним стариком больше? Я всеми доступными средствами стараюсь омолаживаться, а Вы собираетесь мою старость положить на щит и показать всему миру. Как это горько! Как известно, Маяковскому тоже хотелось хоть на годок быть моложе, он утверждал, что рожден в 1894-м году, а Горький дал в Энциклопедический словарь Павленкова сведения, будто он рожден в 1869-м году. «Старость — это прежде всего неприятность», — сказал Серафимович, когда ему насильственно устроили юбилей по случаю его 75-летия. Ведь старость это не слава, а бесславие, молодежь не любит стариков, внешне она воздает им «почет» (как говорится в песне), а внутренне презирает эту «труху». Если моя просьба не будет уважена, то прошу ничего обо мне не писать в Именном указателе.

Еще просьба. Если в дополнение к этому огорчению, в случае неуважения моих просьб, Вы будете также объявлять и мою (простую, как квас) фамилию кроме псевдонима, то уж будьте добры раскрыть фамилии и других литераторов, имевших отношение к Маяковскому. Укажите, что Багрицкий — Дзюбин, Адуев — Рабинович, Чуковский — Корнейчук, Барто — Волова, Гайдар — Голиков, Демьян Бедный — Придворов и т.д. Уж если срывать одежду — так со всех. Иначе будет обидно. Собственно говоря, мы не для того рядились в псевдонимы, чтобы нас насильственно раздевали. Автор «Словаря псевдонимов» и Книжная палата поступили нетактично, выпустив этот словарь. Какое им дело до чужих желаний подкрашивать свои имена?⁷⁰

Просьба эта была проигнорирована.

⁷⁰ Письмо от 3 мая 1959 г. // РГАЛИ. Ф. 336. Оп. 9. Ед. хр. 5. Л. 1–1 об.

Литература

Аброскина И.И. Баян Вадим / Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 1: А–Г. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 192.

Баян Вадим <Сидоров В.И.>. Мое литературное лицо. — Письма Вадима Баяна Б.В. Смиренскому. Публ. А.Л. Дмитренко и А.В. Крусанова // Минувшее: Исторический альманах. Т. 23. СПб.: Atheneum; Феникс, 1998. С. 371–377.

Библиотека А.А. Блока. Описание. Кн. 3 / Сост. О.В. Миллер, Н.А. Колобовой, С.Я. Воиной. Под ред. К.П. Лукирской. Л.: БАН, 1986. 330 с.

Гамалий А.Б. Даниил Соложев как библиофил. Несколько слов о его собрании автографов // Библиофильство и личные собрания. М.: Пашков дом, 2013. С. 87–98.

Гардзонио С. Статьи по русской поэзии и культуре XX века. М.: Водолей, 2006. 367 с.

Калмыкова В. Первый итог футуризма // Обвалы сердца: Авангард в Крыму / Сост., предисл. и коммент. С. Шаргородского. Б.м.: Salamandra P.V.V., 2011. С. 67–69.

Крусанов А.В. Русский авангард. 1907–1932: Исторический обзор. Т. 1. Ч. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 1104 с.

Купченко В.П. Литературная Феодосия в 1920 году. По материалам газеты «Крымская мысль» // De Visu. 1994. № 3/4. С. 82–89.

Миндлин Э. Необыкновенные собеседники. 2-е изд. М.: Советский писатель, 1979. 559 с.

Островская А.В. Муринский Петр // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 4. М.: Большая российская энциклопедия; Фианит, 1999. С. 180.

Поливанов К.М. Богомолов Борис Дмитриевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 1: А–Г. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 302.

Поливанов К.М. Пастернак и современники. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2006. 272 с.

Рудин из Брюсовского института: Письма Г.А. Шенгели М.М. Шкапской. 1923–1932. Публ. С. Шумихина // Минувшее: Исторический альманах. Т. 15. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1994. С. 248–282.

Северянин И. Переписка с Федором Сологубом и Ан.Н. Чеботаревской. Публ. Л.Н. Ивановой и Т.В. Мисникевич // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 693–755.

Северянин И. Уснувшие весны: Критика. Мемуары. Скитания. М.: Ломоносовъ, 2014. 204 с.

Словарь литературного окружения Игоря-Северянина (1905–1941) / Сост. Д.С. Прокофьева. Т. 2. Псков: Гименей, 2007. 178 с.

Шаргородский С. Собачество вселенских катаклизмов // Обвалы сердца: Авангард в Крыму / Сост., предисл. и коммент. С. Шаргородского. Б.м.: Salamandra P.V.V., 2011. С. 8–51.

References

Abrorskina I.I. Baian Vadim. *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'*. T. 1: A–G [Russian writers. 1800–1917: The dictionary of biography. Vol. 1: A–G]. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1989, p. 192. (In Russ.)

Bayan Vadim <Sidorov V.I.>. Moe literaturnoe litso. — Pis'ma Vadima Baiana B.V. Smirenskomu [My literary face; Vadim Bayan's letters to B.V. Smirensky], publ. by A.L. Dmitrenko and A.V. Krusanov. *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh. T. 23* [The past: Historical almanac. Vol. 23]. St. Petersburg, Atheneum Publ., Feniks Publ., 1998, pp. 371–377. (In Russ.)

Biblioteka A.A. Bloka. Opisanie. Kn. 3 [A.A. Blok's library. Description. Book 3], comp. by O.V. Miller, N.A. Kolobova, S.Ia. Vovina, ed. by K.P. Lukirskaya. Leningrad, Academy of Sciences Library Publ., 1986. 330 p. (In Russ.)

Gamalii A.B. Daniil Solozhev kak bibliofil. Neskol'ko slov o ego sobranii avtografov [Daniel Solozhev as a bibliophile. A few words on his autograph collection]. *Bibliofil'stvo i lichnye sobraniia* [Bibliophilism and private collections]. Moscow, Pashkov dom Publ., 2013, pp. 87–98. (In Russ.)

Gardzonio S. *Stat'i po russkoi poezii i kul'ture XX veka* [Articles on Russian poetry and culture of the 20th century]. Moscow, Vodolei Publ., 2006. 367 p. (In Russ.)

Kalmykova V. Pervyi itog futurizma [The first result of Futurism]. *Obvaly serdtsa: Avangard v Krymu* [Heartbreaks: Avant-garde in the Crimea], comp., intro. and comment. by S. Shargorodsky. Salamandra P.V.V. Publ., 2011, pp. 67–69. (In Russ.)

Krusanov A.V. *Russkii avangard. 1907–1932: Istoricheskii obzor. T. 1. Ch. 2* [Russian avant-garde. 1907–1932: Historical overview. Vol. 1. Part 2]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. 1104 p. (In Russ.)

Kupchenko V.P. Literaturnaia Feodosiia v 1920 godu. Po materialam gazety "Krymskaia mysl'" [Literary Feodosia in 1920. Based on materials of the "Krymskaia Mysl'" newspaper]. *De Visu*, 1994, no. 3/4, pp. 82–89. (In Russ.)

Mindlin E. *Neobyknovennnye sobesedniki* [Extraordinary interlocutors], 2nd ed. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1979. 559 p. (In Russ.)

Ostrovskaiia A.V. Murinskii Petr. *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'*. T. 4 [Russian writers. 1800–1917: The dictionary of biography. Vol. 4]. Moscow, Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia Publ., Fianit Publ., 1999, p. 180. (In Russ.)

Polivanov K.M. *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'*. T. 1: A–G [Russian writers. 1800–1917: The dictionary of biography. Vol. 1: A–G]. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1989, p. 302. (In Russ.)

Polivanov K.M. *Pasternak i sovremenniki* [Pasternak and his contemporaries]. Moscow, Higher School of Economy Publ., 2006. 272 p. (In Russ.)

Rudin iz Briusovskogo instituta: Pis'ma G.A. Shengeli M.M. Shkapskoi. 1923–1932 [Rudin from Bryusov Institute. G.A. Shengeli's letters to M.M. Shkapskaya. 1923–1932], publ. by S. Shumikhin. *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh. T. 15* [The past: Historical almanac. Vol. 15]. Moscow, St. Petersburg, Atheneum Publ., Feniks Publ., 1994, pp. 248–282. (In Russ.)

Severianin I. Perepiska s Fedorom Sologubom i An.N. Chebotarevskoi [Correspondence with Fedor Sologub and An.N. Chebotarevskaya], publ. by L.N.

Ivanova and T.V. Misnikevich. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2005–2006 gody* [Pushkin House Manuscript Department Annual for 2005–2006]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2009, pp. 693–755. (In Russ.)

Severianin I. *Usnuvshie vesny: Kritika. Memuary. Skitaniia* [Sleeping springs: Critics. Memoirs. Wanderings]. Moscow, Lomonosov Publ., 2014. 204 p. (In Russ.)

Slovar' literaturnogo okruzheniia Igoria-Severianina (1905–1941) [Dictionary of Igor-Severianin's literary surroundings (1905–1941)], comp. by D.S. Prokofiev. Vol. 2. Pskov, Gimenei Publ., 2007. 178 p. (In Russ.)

Shargarodskii S. *Sobachestvo vselenskikh kataklizmov* [The dogness of universal disasters]. *Obvaly serdtsa: Avangard v Krymu* [Heartbreaks: Avant-garde in the Crimea], comp., intro. and comment. by S. Shargarodsky. Salamandra P.V.V. Publ., 2011, pp. 8–51. (In Russ.)

Vadim Bayan and advertising technologies

© 2018, Alexander Sobolev

Abstract: The article describes technologies of literary advertising, created and applied by the poet Vadim Bayan (Vladimir Ivanovich Sidorov). A few episodes of his creative path are shown in details: for example the publication of the book of poetry with the forward by F. Sologub and Igor Severyanin, or the letter exchange with V. Mayakovsky.

Keywords: V. Bayan, F. Sologub, A. Chebotarevskaya, I. Yasinsky, Igor Severyanin, V. Mayakovsky, literary tours, Futurism.

Information about the author: Alexander Sobolev, independent researcher, Moscow, Russia.

E-mail: trirodov@gmail.com

Citation: Sobolev Alexander. Vadim Bayan and advertising technologies. *Literary fact*, 2018, no. 9, pp. 170–196.